

Aleksander Kiklewicz

Социальные ценности в системе современной культуры

Przegląd Wschodnioeuropejski 4, 273-294

2013

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ALEKSANDER KIKLEWICZ

Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie

СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

1. Понятие ценности

В социальной психологии принято понятие ценностной ориентации (или установки), которое означает 1) идеологические, политические, моральные, эстетические и другие основания оценивания человеком окружающей действительности; 2) способ дифференциации объектов по их значимости¹ (фактически способ дифференциации и оценка непосредственно связаны друг с другом). Следует иметь в виду, что ценностные ориентации не только «обнаруживаются в целях, идеалах, убеждениях, интересах и других проявлениях личности»², но также касаются с ф е р ы ч е л о в е ч е с к о й д е я т е л ь н о с т и : ценности находят отражение в поведенческих нормах и, как следствие, в выборе поступков³, во всяком случае в ситуациях, когда такой выбор возможен, а тем более желателен. Ценности являются важнейшим фактором планирования деятельности – благодаря апелляции к положительному, отраженному в содержании ценностной категории опыту предшественников. На связь между оценкой и действием указывает, например, то, что, как пишет Дж. Серль, «слова *good* ‘хороший’, *right* ‘правильный’ [...] обладают смыслом, который имеет характер императива или „руководства к действию”»⁴. Это значит, что многим оценочным выражениям языка (оценочным экспозитивам) свойственно употребляться и в качестве директивных речевых актов. Например, высказывание

¹ См.: А. В. Петровский, М. Г. Ярошевский (ред.), *Краткий психологический словарь*, Москва 1985, с. 389.

² Ibidem.

³ См. G. Hofstede, G. J. Hofstede, *Kultury i organizacje. Zaprogramowanie umysłu*, Warszawa 2007, с. 21.

⁴ Дж. Серль, *Косвенные речевые акты*, в: Городецкий, Б. Ю. (ред.), *Новое в зарубежной лингвистике. XVII. Теория речевых актов*, Москва 1986, с. 197.

Эти яблоки – свежие и очень вкусные

в определенной коммуникативной ситуации (в магазине, на рынке, за обеденным столом) будет интерпретировано как рекомендация, совет: ‘Я советую тебе взять/съесть/купить и т.д. эти яблоки, потому что они свежие и очень вкусные’.

В таких науках, как этика, эстетика, экономика, антропология, культурология, политическая философия, ценность определяется как индивидуальный или разделяемый большинством членов сообщества взгляд на то, что является моральным или неморальным, изящным или безобразным, полезным или вредным, желаемым или заслуживающим презрения⁵.

В ценности отражаются опытные данные, которые прошли многократную проверку и относительно которых у субъекта или же у большинства представителей данного сообщества выработан устойчивый способ оценочной интерпретации, т.е. с точки зрения таких понятий, как «хорошо», «плохо». Обычно это свойство ценности квалифицируется как *а с с е р т и в н о с т ь*⁶. Польский социолог Е. Микуловский-Поморский пишет, что функционирование каждого сообщества опирается на принцип, в соответствии с которым общепринятым в данном сообществе, традиционным типам поведения приписывается статус наилучших, приоритетных, образцовых, а их восприятие сопровождается определенным эгоцентризмом: «Все наше (т.е. соответствующее принятым у нас образцам) – самое лучшее»⁷.

Ценности имеют конвенциональный или по крайней мере надситуативный, обобщенный характер, что сближает их с категорией *с т е р е о т и п о в*. Подобно стереотипам, ценности закреплены (в соответствии с терминологией Г. Хофстеде – «запрограммированы») в индивидуальной или культурной памяти⁸, в частности, в виде суждений (или лучше: убеждений) типа: «Здоровье – это важно/хорошо»; «Болезнь – это плохо».

Если на уровне индивидуального поведения ценности имеют прежде всего прагматическую, эпистемическую или эмоциональную значимость, то на уровне общества они выполняют важную интегративную функцию;

⁵ См.: G. Marshall, *Słownik socjologii i nauk społecznych*, Warszawa 2004, с. 416; K. Olechnicki, P. Załęcki, *Słownik socjologiczny*, Toruń 1987, с. 239.

⁶ А. К. Киклевич, *Роль стереотипов в межкультурной коммуникации*, „Przegląd Wschodnioeuropejski”, 2010 nr 2, s. 266.

⁷ J. Mikułowski Pomorski, *Jak narody porozumiewają się ze sobą w komunikacji międzykulturowej i komunikowaniu medialnym*, Kraków 2007, s. 209.

⁸ А. К. Киклевич, *op. cit.*, s. 263 ссл.

⁹ J. Mikułowski Pomorski, *op. cit.*, с. 210.

как пипет Микуловский-Поморский, ценности определяют общественный порядок и направленность, единство человеческих действий и мыслей⁹.

Ценности активно изучаются в разных областях гуманитарного знания, за исключением, пожалуй, семиотики, в которой данная категория культуры не получила систематического представления. Можно считать, что это несправедливо, ведь ценность – это своего рода знак, с помощью которого в социальной среде передается информация о правильных, желаемых, требуемых, установленных типах поведения – о нормах. С семиотической точки зрения можно различать три аспекта ценностных категорий: 1) форму; 2) содержание; 3) употребление.

Г. Хофстеде, автор известной монографии о системах ценностей в разных культурах, предложил модель культуры, ядро которой составляет именно категория ценности, а периферические слои образуются разного рода практиками: ритуалами, личностями и символами¹⁰. Эта модель, по-моему, не совсем точна: во-первых, ценности, ритуалы, личности и символы не представляют собой одной, градуальной (макро)категории – напротив, они находятся в оппозиции как элементы плана содержания и плана выражения культуры. Во-вторых, понятие «практики» соединяет в себе разнородные элементы: формальные – символы, и прагматические – ритуалы. Категория «личности» с этой точки зрения является амбивалентной: с одной стороны, личность (понимаемая как носитель, абонент) принадлежит к сфере употребления ценности, с другой стороны, выдающаяся личность сама становится ценностью, а точнее, формой манифестации ценности (подробнее см. далее).

Семиотический подход к категориям культуры имеет, в частности, эргономический аспект: он облегчает параметризацию ценностей и их сопоставительное описание. В социологии и антропологии культуры приняты определенные стандарты и шкалы. Например, в соответствии с широко применяемым в исследованиях индексом А. Инкельса и Д. Левинсона различаются четыре параметра ценностей: 1) отношение к власти; 2) отношение между человеком и обществом; 3) половые отношения; 4) способы решения конфликтов¹¹. Однако следует обратить внимание на то, что данный подход учитывает только определенный аспект ценностных категорий, а именно – аксиологическую интерпретацию избранных типов социальных ценностей. «За кадром» остаются такие аспекты, как манифестация ценностей, их позиционирование в разных культурах, их концептуальное содержание (например, понимание патриотизма у разных народов), а кроме того – функцио-

¹⁰ G. Hofstede, G. J. Hofstede, *op. cit.*, s. 20.

¹¹ *Ibidem*, s. 35.

нирование эстетических, этических, познавательных и других систем ценностей.

Кратко представлю каждый из трех аспектов ценностных категорий.

Формы существования ценностей могут быть латентные («внутренние») или манифестированные («внешние»). В первом случае речь идет об убеждениях, которые – в силу их высокой степени абстрактности – редко, по крайней мере в рамках обыденного сознания, получают манифестацию. Кроме того многие из убеждений (так называемые артефакты, усвоенные в раннем детстве) хранятся в памяти индивидов в неосознанном виде. К манифестированным формам ценностных категорий относятся так называемые тексты культуры, в русской терминологии – прецедентные тексты и вообще – прецедентные феномены, например, «герои», в определении Хофстеде (в современной терминологии – «celebrities»). Так, в русской культуре Александр Сергеевич Пушкин является не только символом художественного совершенства, но и символом свободолюбия, символом мужественности (в разных оттенках этого понятия, в том числе – эротическом), символом патриотизма, символ европейскости, вообще – положительным символом. Неслучайны знаменитые слова Аполлона Григорьева: «Пушкин – это наше всё». В Польше огромной популярностью пользуется творчество и личность другого классика литературы – Адама Мицкевича, но ее трудно сопоставить с гигантской популярностью Пушкина в России. Например, в русском языке имеются фразеологизмы и пословицы с существительным *Пушкин* или же именами пушкинских героев – подобное не встречается в польском языке в связи с фамилией *Mickiewicz*, ср.:

А работать вместо тебя Пушкин будет?
Тише, Маша! Я – Дубровский.

Кроме того цитаты из пушкинских произведений используются в текстах массовой литературы, например, в рекламе:

«Хоть тяжело подчас в ней бремя, телега на ходу легка» – реклама автомобиля.

«Примите новую тетрадь, вы, юноши, и вы, девицы» – реклама канцелярских товаров.

«Вот здесь лежит больной студент; Его судьба неумолима. Несите прочь медикамент: Болезнь любви неизлечима!» – реклама на дверях аптеки.

К сожалению, Пушкина в системе русской культуры постепенно вытесняют современные *celebrities* из сферы политики и поп-культуры: Владимир Жириновский, Филипп Киркоров, Ксения Собчак, Оксана

Федорова и другие. Правда, эти новые «звезды» олицетворяют, преимущественно, другие ценности: агрессию, ксенофобию, примитивизм.

Содержание ценностной категории имеет бинарную структуру, а именно – включает: 1) репрезентативный аспект, т.е. концептуализацию фрагмента действительности; 2) интерпретативный, другими словами – аксиологический аспект. Репрезентативный аспект ценности реализуется в определенной предметной области¹². В соответствии с этим ценности можно распределить по нескольким категориям:

- материальные (в том числе технические)
- экономические
- социальные (политические, административные, религиозные, правовые, частные)
- познавательные (образовательные, научные)
- моральные / этические
- биологические (прежде всего физиологические)
- эстетические
- гедонистические
- этологические / функциональные
- экзистенциальные (развлечение, спорт и т.д.)

Ценностные категории могут содержать два типа интерпретации: с точки зрения эффекта воздействия определенной нормы на субъекта (или на социальную группу), а также с точки зрения абсолютной, арбитражно установленной целесообразности. Микуловский-Поморский ввел в соответствии с этим два типа ценностей: *pożądanane* ‘желаемые’ и *postulowane* ‘постулируемые’¹³, другими словами – прагматические и идеологические ценности. Ценности первого типа имеют эмпирический, феноменологический характер, касаются преимущественно действий, а результатом их культивирования является извлечение пользы¹⁴. Ценности второго типа приняты за каноническую норму. А. П. Павлов определяет их как «императивы правильного, должного поведения с точки зрения базисных [...] норм общества»¹⁵. Они

¹² В моем понимании, предметная область является категорией, родственной «функциональной системе» в теории коммуникации М. Фляйшера, см.: М. Fleischer, *Zarys ogólnej teorii komunikacji*, в: G. Habrajska (red.), *Mechanizmy perswazji i manipulacji. Zagadnienia ogólne*, Łask 2007, s. 63.

¹³ J. Mikulowski Pomorski, *op. cit.*, s. 210.

¹⁴ Об практической интерпретации принадлежности Польши к Европейскому Союзу пишет публицист Яцек Ставский: «Nic chyba nie dodaje dumy z bycia obywatelem Unii jak powrót z wakacji z kraju pozaunijnego, gdzie ustawiamy się w kolejce paszportowej dla tych lepszych» («Tygodnik Powszechny»; 25 IX 2011).

¹⁵ А. П. Павлов, *Природа коммуникативного порядка*, в: <http://vitos-mf.na-rod.ru/library/sociology1.htm> [доступ: 2008].

реализуются в операциях выбора, градуирования и акцептирования, хотя нередко противоречат здравому смыслу (т.е. практическим целям деятельности), поскольку принимаются сообществом с учетом категорий высшего порядка.

Примером идеальной ценности может быть страдание в христианстве. С одной стороны, страдание – это проклятие, зло, которое в нашей жизни не должно существовать, с другой же стороны, страдание интерпретируется как блаженство: с точки зрения христианского богословия переживаемое с Христом страдание является источником славы по ту сторону смерти и источником радости¹⁶.

Подобным же образом можно рассматривать дуэль – тип социального события, которое сегодня относится к прошлому. Здесь главным ценностным мотивом являлась категория чести, о чем писал, например, Ю. М. Лотман:

Дуэль представляет определенную процедуру по восстановлению чести и не может быть понята вне самой специфики понятия «честь» в общей системе этики русского европеизированного послепетровского дворянского общества. Естественно, что с позиции, в принципе отвергавшей это понятие, дуэль теряла смысл, превращалась в ритуализированное убийство¹⁷.

Хотя Лотман утверждал, что психологическим стимулом для подчинения закону чести был стыд, а утверждение чести было синонимом изгнания страха, однако нет сомнения, что в данном случае мы имеем дело с идеальной ценностной категорией, прагматическая бессмысленность которой очевидна: многие дуэли заканчивались смертельным исходом¹⁸.

Павлов пишет, что в современной России представлены культурные ситуации, в которых идеальные и практические ценности не совпадают, а в качестве примера приводит «неуставные отношения» в армейских подразделениях.

Разные по содержанию ценности образуют системы ценностей. Такие системы имеют иерархический характер: они включают предметные области (как категории наивысшего порядка), внутри

¹⁶ К. Леон-Дюфура, *Словарь библейского богословия*, Брюссель 1974, с. 1119. А. В. Сергеева пишет, что одним из стереотипов русского национального сознания является представление о ценности страдания, терпения как способа очищения и возвышения человека — этот мотив широко встречается, например, в фольклоре, в пословицах, в художественной литературе, ср.: *Бедя научит человека мудрости; О боль, ты — мудрость* (Б. Ахмадулина). См.: А. В. Сергеева, *Русские. Стереотипы поведения, традиции, ментальность*, Москва 2004, с. 25.

¹⁷ Ю. М. Лотман, *Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий*, Ленинград 1983, с. 92.

¹⁸ О критическом отношении к дуэли см. также: Ю. М. Лотман, *op. cit.*, с. 93-94.

предметных областей – категории и, далее, подкатегории. Каждая культура обладает своей, отчасти специфической системой ценностей (см. дальше).

Употребление представляет третий аспект описания ценностей. Здесь можно рассматривать несколько параметров функционирования ценностных категорий – ограничусь только их перечислением: 1) носители (индивиды или группы индивидов: этнические, региональные, классовые, половые, возрастные, профессиональные и др.); 2) сферы (семья, школа, организация, администрация и др.); 3) предпосылки, мотивы и эффекты; 4) позиционирование (т.е. выделение ценностей по степени значимости: ср. важные или маргинальные ценности; так М. А. Можейко пипет о любви как о «глубоком индивидуально-избирательном интимном чувстве», которое представляет «максимальную ценность и важнейшую детерминанту жизненной стратегии» на уровне субъективного сознания¹⁹).

С учетом формы, содержания и употребления ценностей возможна их классификация: 1) по предметной области (социальные, моральные, эстетические, гедонистические и др.); 2) по аксиологическому содержанию (положительные, отрицательные, нейтральные); 3) по носителю (индивидуальные, групповые, массовые, универсальные); 4) по позиционированию (основные, важные, маргинальные) и др.

2. Асимметрия ценностей.

Технический детерминизм vs. человеческий фактор

Слово *система* в словосочетании *система ценностей* вовсе не означает, что отдельные категории в ее рамках логически строго упорядочены. Поскольку каждая культура складывается из множества точек зрения и в силу этого никогда не является абсолютно однородной, а кроме того каждая культура исторически изменчива и в каждом ее состоянии сосуществуют старые и новые элементы, то система ценностей является внутренне противоречивой. Например, доказано, что научные парадигмы (как системы ценностей, культивируемые научными сообществами в разные исторические эпохи), включают разнородные категории, которые не всегда согласуются друг с другом²⁰. Микуловский-Поморский ссылается

¹⁹ М. А. Можейко, *Любовь*, в: А. А. Грицанов, М. А. Можейко, *Постмодернизм. Энциклопедия*, Минск 2001, с. 433.

²⁰ В таком ключе — за И. Лакатошем — интерпретирует современную когнитивную парадигму польский исследователь Х. Кардела; см. его доклад «Сколько структурализма в когнитивизме?» на LXVIII съезде Польского лингвистического общества во Вроцлаве (в сентябре 2010 года). Ср. также мнение английского историка и журналиста Тимоти Гартона Аша, который на вопрос журналиста еженедельника «Tygodnik Powszechny» (31 VII 2011) о существовании характерной для европейского континента единой системы ценностей

на другой пример противоречия ценностей, а именно – на категории равенства и свободы²¹. На аксиологическое многоголосие в культуре указывает хотя бы тот факт, что в одну и ту же эпоху значительно различаются программы политических партий и общественных движений. Упомянутый ранее Павлов пишет о динамичности российского общественного сознания, в частности, об изменчивости понятия нормы. При этом ученый ссылается на пример дореволюционной России и СССР: в Советском Союзе коллективное (государственное) начало ставилось выше индивидуального, тогда как в конце XIX столетия господствовал индивидуализм; в начале XXI века также наметился возврат к индивидуализму²².

Противоречия могут возникать также между разными содержательными категориями ценностей, например, техническими и социальными. Новые технологии возникают не только благодаря существованию научной инфраструктуры и развитой материально-производственной базы – важным фактором является также уровень социального развития общества, т.е. характер социальных потребностей, система социальных институтов, в том числе система образования, благодаря которой нормы социального поведения передаются из поколения в поколение. Можно считать, что в определенной степени новые технологии возникают в контексте культуры социальных отношений, при этом они отчасти и формируют ее²³.

Принципиально иначе ситуация выглядит (или может выглядеть), когда новые технологии расширяют сферу своего употребления, а именно – когда их носителями становятся представители культурных сообществ с диаметрально отличными системами ценностей, по сравнению с теми культурными условиями, в которых технологии возникли. Обычно это наблюдается, когда новые достижения технической мысли приходят в страны и регионы с низкой культурой социальных отношений, где нормы социального поведения подчинены принципам индивидуального инстинктивного поведения. Данное явление можно квалифицировать как синдром «мартышка и очки»: речь идет о противоречии

ответил: «To nieprawda, że istnieje pewien zestaw miłych i znacznych wartości czy norm, które są nasze, europejskie, a gdzieś indziej — inny zestaw związany z nacjonalizmem, nietolerancją, ksenofobią itd., który byłby z definicji nieeuropejski. Pamięta pan z pewnością potężną debatę wokół Środkowej Europy w latach 80. ubiegłego wieku, kiedy Francois Bondy powiedział, że Adolf Hitler jest w tym samym stopniu Europejczykiem co Milan Kundera».

²¹ J. Miłkowski Pomorski, *op. cit.*, s. 210.

²² А. П. Павлов, *op. cit.*

²³ Иную точку зрения высказывает Хофстеде: ценности стабильны, а технологические новшества не влияют на них — именно поэтому, по мнению Хофстеде, ценности молодого поколения существенно не различаются от ценностей старшего поколения. См.: G. Hofstede, G. J. Hofstede, *op. cit.*, s. 25.

между технологическим и антропологическим факторами, которое в XIX в. в аллегорической форме выразил выдающийся русский писатель Иван Андреевич Крылов. Как известно, в одноименной басне Крылова мартышка, раздобыв полдюжины очков, не может найти для них применения:

Вертит очками так и сяк:
То к темю их прижмет, то их на хвост нанижет,
То их понюхает, то их полижет;
Очки не действуют никак.

Дело кончается плачевно: мартышка выбрасывает очки, разбивая их о камень. В социальной, человеческой действительности эффект выглядит подобным образом: происходит реинтерпретация техники, ее приспособление к системе культуры новых носителей (т.е. нуворишей), которое обычно сопровождается переосмыслением некоторых аспектов технических ценностей. Ср. у Крылова:

К несчастью, то ж бывает у людей:
Как ни полезна вещь, – цены не зная ей,
Невежда про нее свой толк все к худу клонит.

Синдром «мартышка и очки» в последние десятилетия, т.е. в условиях усиления на нашей планете процессов глобализации, становится все заметнее. К сожалению, его примеры широко встречаются также в странах Восточной и Центральной Европы, в том числе в Польше и России.

В связи этим рассмотрим часто обсуждаемую проблему – технические средства передвижения. Афористическим стало высказывание Остапа Бендера, героя написанного в 1931 г. романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок»: «Автомобиль – не роскошь, а средство передвижения». С таким рационалистическим, прагматическим подходом к технике у славянских народов, однако, приходится иметь дело довольно редко. Обычно происходит диссимметрия отношений между пользователем и артефактом, при этом можно различать 1) технологический или 2) антропологический детерминизм. Первое явление состоит в гипертрофированном отношении к технике, что нашло отражение в известной формуле М. МакЛюана: «Средство сообщения есть сообщение»²⁴. МакЛюан в связи с этим приводит пример одного африканца, который каждый вечер включал радиоприемник, чтобы слушать новости радио Би-Би-Си, хотя при этом ни слова не понимал по-английски. Подобный случай описал Николай Гоголь в «Мертвых душах»:

²⁴ М. McLuhan, *Zrozumieć media. Przedłużenia człowieka*, Warszawa 2004, s. 39 ссл.

[Петрушка] имел даже благородное побуждение к просвещению, то есть чтению книг, содержанием которых не затруднялся: ему было совершенно все равно, похождение ли влюбленного героя, просто букварь или молитвенник, – он все читал с равным вниманием; если бы ему подвернули химию, он и от нее бы не отказался. Ему нравилось не то, о чем читал он, но больше самое чтение, или, лучше сказать, процесс самого чтения, что вот-де из букв вечно выходит какое-нибудь слово, которое иной раз черт знает что и значит.

В русской культуре с технологическим детерминизмом мы имеем дело, например, в некоторых произведениях Андрея Платонова. В рассказе «Сокровенный человек» представлено нечто вроде апологии техники, во всяком случае машины рассматриваются как умные, хорошо запрограммированные артефакты, с которыми человеку трудно состязаться. Человек и положительно, и отрицательно оценивается через призму техники, как, например, помощник машиниста из упомянутого рассказа:

В будке лежал мертвый помощник. Его бросило головой на штырь, и в расшившийся череп просунулась медь – так он повис и умер, поливая кровью мазут на полу. Помощник стоял на коленях, разбросав синие беспомощные руки и с пришипленной к штырю головой. «И как он, дурак, нарвался на штырь? И как раз ведь в темя, в самый материнский родничок хватило!» – обнаружил событие Пухов. Остановив бег на месте бесившегося паровоза, Пухов оглядел все его устройство и снова подумал о помощнике: «Жалко дурака: пар хорошо держал!»

В русской поэзии эпохи оттепели (и одновременно эпохи научно-технической революции), особенно в творчестве Андрея Вознесенского, наблюдается экспансия технических метафор: техника приобретает здесь особый статус – инструмента концептуализации разнообразных сфер человеческой жизни, в том числе и сферы эмоций. Ср. два примера из поэзии Вознесенского:

Значит, вечер. Вскипают приварок.
Они курят, как тени тихи.
И из псов, как из зажигалок,
Светят тихие языки

[«Тишины!»]

Ау, подснежник в сугробе грозном,
колдунья женского ремесла,
ты зажигалку системы «Ронсон»
к шнуру бикфордову поднесла...

[«По пояс снега...»]

Сильнее, как представляется, выступает (и у русских, и у поляков) другая тенденция – антропологический детерминизм, который можно выразить в постулате: «Машина – ничто, человек – всё». Один из ключевых текстов русской культуры, в котором реализуется эта идея, – стихотворение Иннокентия Анненского «Зимний поезд». Здесь выражается мотив несправедливого подавления человека зловещей машиной, мотив «полусуществования» в мире, в котором человек обречен на зависимость от технических монстров. Ср. характерные с этой точки зрения фрагменты стихотворения:

Я знаю – пышущий дракон,
Весь занесен пушистым снегом,
Сейчас порвет мятежным бегом
Завороженной дали сон.

А с ним, усталые рабы,
Обречены холодной яме,
Влачатся тяжкие гробы,
Скрипя и лязгая цепями. [...]

А снизу стук, а сбоку гул,
Да все бесцельней, безымянней...
И мерзок тем, кто не заснул,
Хаос полусуществований!

Антропологический детерминизм проявляется также в виде активных действий, а именно – в широко культивируемой и поляками, и русскими установке субъектов, которая заключается в пренебрежительном, высокомерном отношении к техническим средствам передвижения, а также к арбитражно (административно) установленным правилам поведения на дороге: они чаще всего трактуются как необязательные, вторичные, малозначимые по отношению к целям, которые ставит перед собой конкретный индивид в конкретных условиях. Эгоцентрическая установка личности оказывается более значимой по сравнению с необходимостью подчиниться (техническим или административным) предписаниям. Подобную установку – алогию личности – мы можем встретить и у Платонова, которому, как я уже обратил внимание, вообще было свойственно идеализировать технику. В «Сокровенном человеке» читаем:

С Грязей снегоочистителю вручили приказ: вести за собой броневик и поезд наркома, пробивая траншею в заносах, вплоть до Лисок. Снегоочистителю дали двойную тягу: другой паровоз уступил поезд наркома – громадную

спокойную машину Путиловского завода. Тяжелый боевой поезд наркома всегда шел на двух лучших паровозах. Но и два паровоза теперь обессилели от снега, потому что снег хуже песка. Поэтому не паровозы были в славе в ту мятежную и снежную зиму, а снегоочистители. И то, что белых громила артиллерия бронепоездов под Давыдовкой и Лискаами, случилось потому, что бригады паровозов и снегоочистителей крушили сугробы, не спя неделями и питаясь сухой кашей.

Часто встречаемое пренебрежение техникой обусловлено двумя факторами. Во-первых, в этом находит отражение культурное отставание социальной группы, ее духовная неподготовленность к новой технической среде, отсутствие необходимого культурного программирования, должного уровня социализации. В терминологии М. Фляйшера данный тип поведения можно квалифицировать как безрефлексивный. Хотя Фляйшер не относит безрефлексивность ни к какой конкретной биологической или социальной сфере – считает ее функциональным феноменом, реализующимся в разных коммуникативных условиях²⁵, есть основания полагать, что большей предрасположенностью к усвоенным, неосознанным, импульсивным действиям и реакциям имеют представители низших классов, а также менее развитые с цивилизационной точки зрения народы. Когда мой немецкий коллега профессор Хельмут Яхнов несколько лет назад приехал на своем автомобиле из Бохума (из Западной Германии) в Ольштын, я поинтересовался его впечатлениями о путешествии по польским дорогам. Хельмут (человек исключительной деликатности и редкой толерантности) ответил: «Сразу видно, что поляки водят автомобили с недавнего времени...»

Во-вторых, преодоление техники и связанных с ней предписаний объясняется также сознательным или полусознательным стремлением индивида к самоутверждению, к демонстрации своей независимости, креативности, упрощенно (а то и примитивно) понимаемой свободы. Когда кого-либо сравнивают с бездушной машиной, используется ссылка на отрицательную ценность – формализм, который противопоставляется положительной ценности – смекалке, творческому подходу к решению проблем. Второе качество считается характерной чертой восточноевропейской (или же славянской) культуры – по сравнению с западной. В качестве примера можно привести известный в России анекдот:

Купили японцы наш самолет, собирают, а получается катер. Задолбались, вызвали инженера с завода-изготовителя. Он закрылся на пару дней и собрал

²⁵ M. Fleischer, *Komunikacja bezrefleksyjna*, B: A. Kiklewicz (red.), *Język poza granicami języka II. Semantyka i pragmatyka: spór o pierwszeństwo*, Olsztyn 2011, s. 163.

самолет. Японцы в шоке! А инженер им говорит: – Вот здесь, в инструкции написано: «Все детали тщательно обработать напильником».

В Интернете можно найти описание аутентичного случая, когда феномен «доработать напильником» находит отражение в практике:

Поступила заявка купить для коммерческого отдела высокопроизводительный принтер с емким расходником, чтобы реже его заправлять. Для этой цели был выбран HP P2035, поддерживающий, судя по описанию на многих сайтах, картриджи CE505A и CE505X («А» – с обычным ресурсом, «Х» – с увеличенным). Когда закончился тонер в пробном картридже, наш админ попытался вставить запасной CE505X и с удивлением обнаружил, что он не влезает, хотя на упаковке от картриджа была четко указана модель нашего принтера. Пошли на сайт производителя. Выяснилось, что картриджи увеличенного ресурса не предназначены для нашего принтера, зато прекрасно подходят к модели P2055d, следующей в линейке. Офигев от такого развода, более тщательно сравнили оба картриджа. Нашли два отличия: большую ёмкость отсека для тонера и пару маленьких направляющих фиговонок на корпусе, которые и не давали вставить X-картридж до конца. Принтер покупался именно ради X-картриджей. Полные классовой ненависти к мировому империализму, решили пилить. Крышка принтера все равно не закрылась бы из-за удлиненного отсека для тонера, но это нас не остановило. Спилили фиговинки и проверили, печатает ли принтер с открытой крышкой. Для этого пришлось преодолеть три степени защиты, заблокировав датчики, чтобы симитировать закрытую крышку. Наши предположения оправдались – пробная страница напечаталась. Чтобы не останавливаться на достигнутом, снова решили пилить, на этот раз выступы в крышке, которые не давали ей закрываться с таким картриджем. Получилось аккуратно и незаметно. Так из более дешевой модели была выпилена новая модификация, позволяющая использовать экономичные картриджи. Между прочим, тысяч пять сэкономили.

Эгоцентрическая установка, которая проявляется в принципе: «А я сделаю по-своему (потому что я знаю лучше)», может иметь, однако, и более серьезные, негативные и даже трагические последствия. Существует черта поведения (более характерная, например, для поляков, чем для наших южных соседей – чехов) – спесь. Напомню, что в академическом «Словаре русского языка» спесь определяется как «чрезмерное самомнение, стремление подчеркнуть свою важность и превосходство перед другими». В качестве примера приведу конкретную ситуацию из моего личного опыта (по характеру работы мне приходится довольно много передвигаться по территории Польши на автомобиле): во время ремонта участка дороги движение происходит в одностороннем порядке и регулируется временно

установленным светофором. В момент, когда загорается красный свет, водители должны остановиться, чтобы стало возможным встречное движение. Однако, как показывает практика, в каждой подобной ситуации пять-шесть машин продолжает движение на красный свет. Одна моя (польская) знакомая оценила такое проведение как хамство; я же думаю, что причина более глубокая: речь идет, с одной стороны, о пренебрежении к технике, а с другой стороны, о постоянном стремлении сделать что-либо «на авось».

Здесь уместно специально остановиться на этом русском выражении, которое А. Д. Шмелев считает характерным элементом русской национальной ментальности, но, по-моему, оно более характерно для ментальности поляков (в польском языке выступает аналог *авось* – выражение *a nuż*, например, в шутливой форме: *a nuż widelec*)²⁶. Шмелев пишет, что *авось* означает «надежду на благоприятный для говорящего исход дела», «оправдание беспечности, когда речь идет о надежде не столько на то, что случится некоторое благоприятное событие, сколько на то, что удастся избежать какого-то крайне нежелательного последствия»²⁷. Поэтому чаще всего *авось* употребляется в конструкциях:

Авось, обойдется!
Авось, ничего.
Авось, пронесет.

В польском языке широко распространено подобное выражение:

A nuż się uda.

Пренебрежительное отношение к правилам дорожного движения стало едва ли не постоянной темой польских средств массовой информации. Влиятельный католический еженедельник «Tygodnik Powszechny» посвятил

²⁶ С этой точки зрения характерен следующий фрагмент военного дневника Дениса Давыдова, который описывал польское восстание 1831 года: «U Polaków jeszcze przed tym okresem zaczęła się straszna anarchia, dowódca istniał tylko dla dowodzenia wojskami w czas wojenny; poza polem bitwy wojska nie uznawały władzy, odbierały ludności ostatnią koszulę, mówiąc, że to dla ojczyzny» («Mówią wieki»; 2011/XI). Подобное мнение высказывает Веслав Валендзяк: «Człowiek musi funkcjonować w jakimś porządku i kłopot zaczyna się wtedy, gdy ten porządek jest opresyjny, bo wytwarza się poczucie totalnej ambiwalencji — mamy potrzebę życia w jakiejś strukturze, ale jej też nienawidzimy» («Tygodnik Powszechny»; 20 III 2011). И еще одна точка зрения, проф. Нины Витошек-Фитцпатрик: «Zaczęłam porównywać naszą polską anarchię z modelem norweskim i stwierdziłam, że norweski ewolucyjny sposób dochodzenia do swojego ma więcej sensu niż polski szaleńczy romantyzm» («Tygodnik Powszechny»; 31 VII 2011).

²⁷ А. Д. Шмелев, *Лексический состав русского языка как отражение „русской души“*, в: Зализняк, Анна А./Левонтина И. Б./Шмелев А. Д. (ред.), *Ключевые идеи русской языковой картины мира*, Москва 2005, с. 32.

этой темой специальный номер (2008/37). Открывая дискуссию, ксёндз Адам Бонецкий, главный редактор еженедельника, пипет:

Czy znaki ograniczenia szybkości mają walor moralny, czy tylko policyjny? Podejrzewam, że dla większości z nas ten drugi. Bo – panuje taka opinia – większość ograniczeń jest bez sensu. Niby uznajemy za uzasadnione te przy wyjeździe z bocznej drogi, ale ponieważ zakładamy, że z tych bocznych dróg nikt nagle nie wyjedzie – nie zwalniamy. A inne ograniczenia, np. te między Częstochową a Piotrkowem na E75 albo na drodze szybkiego ruchu po wyjeździe z Radomia w kierunku Jedlińska? Nie wiem. Może kiepska nawierzchnia? Może niewłaściwy kąt nachylenia na zakrętach? Czy ktoś ich ustawienie przemyślał, czy jest to dzieło jakiegoś imbecyla? Rozstrzygam, naciskając pedał gazu.

A jeśli przestrzegasz nakazane ograniczenia, od razu czujesz się od innych gorszy. Wleczesz się 70 na godzinę, obok śmigają te bmw i mercedesy, więc wpadasz w kompleks niższości i, co gorsza, w głowie rodzą się mściwe marzenia, że za chwilę spotkasz te bmw i mercedesy zatrzymane przez patrol. Nic z tego. Nie ma na tym świecie sprawiedliwości. Oni przejechali, ty – wystarczyło, że wyjątkowo, na jednym odcinku drogi nieco przyspieszyłeś – wpadasz.

Согласно статистическим данным, в 2010 году в Польше произошло 38 776 автомобильных катастроф, в которых погибло 3 902 человека, а количество раненых равнялось почти 49 000 человек.

В России претенциозный, агрессивный стиль поведения на дороге характерен для так называемых «новых русских». СМИ то и дело сообщают о грубом нарушении правил дорожного движения звездами кино, поп-музыки, спорта: Юрием Антоновым, Сергеем Лазаревым, Алексеем Воробьевым и другими. В мае 2011 года в Интернете появилась видеозапись, на которой видно, как автомобиль известного режиссера Никиты Михалкова выезжает на встречную полосу движения. В марте 2011 года в Санкт-Петербурге погибла Марина Малафеева, жена вратаря ФК «Зенит» Вячеслава Малафеева; женщина не справилась с управлением синего Bentley, потому что ехала со скоростью более 200 км в час – машина сбила рекламный щит и врезалась в дерево. После катастрофы сотрудники бюро судебно-медицинской экспертизы обнаружили в крови Малафеевой этиловый спирт в концентрации 1,8 промилле.

Характерным для поляков и русских пренебрежительным отношением к технике безопасности на дороге, к правилам, которые определяют порядок движения, пользования средствами коммуникации, можно объяснить и причину трагедии польского президентского самолета в апреле 2010 года. Специалисты (см. аналитический обзор, опубликованный еженедельником «Tygodnik Powszechny» 17 апреля 2011), отмечают, что ошибки были допущены и польской, и русской стороной. Командир

польского самолета делал попытку приземления при сильном тумане, т.е. в условиях видимости, которые были ниже критических. Командир был предупрежден о плохих метеорологических условиях на аэродроме «Северный» и не получил разрешения на приземление. Кроме того во время приземления в кабине пилотов находились посторонние лица, что запрещено соответствующей инструкцией. Представляя рапорт Межгосударственного авиационного комитета в январе 2011 года, его председатель Татьяна Анодина заявила: «У командира самолета президента Польши был психологический конфликт мотивов. С одной стороны, командир понимал ситуацию с плохими метеоусловиями при посадке, с другой – сильную мотивацию посадки именно на аэродром назначения имело то, что в случае ухода на запасной аэродром он мог ожидать негативной реакции главного пассажира (т.е. президента Леха Качинского. – А. К.)»²⁸. Русские эксперты умалчивают факт какой-либо вины в катастрофе русской стороны, но даже поверхностное прочтение опубликованной транскрипции записей открытого микрофона, зафиксировавшего переговоры русских диспетчеров с экипажем польского самолета, убеждает, что и в этом случае мы имеем дело с целым рядом нарушений: русский диспетчер неправильно информировал пилотов, что самолет находится на линии приземления, а команда выровнять полет и пойти на второй круг прозвучала слишком поздно. Согласно метеорологической сводке, видимость на аэродроме составляла 800 метров, хотя по оценке диспетчеров она была около 200 метров (ср. реплику руководителя группы диспетчеров военного аэродрома Николая Краснокутского: «Синоптики какие-то невменяемые»). Из переговоров руководителя полетов на аэродроме Павла Плюснина и полковника Краснокутского можно сделать вывод, что смоленские диспетчеры и польские пилоты не до конца понимали друг друга. Кроме того характер переговоров русских диспетчеров не оставляет впечатления, что их действия были хорошо продуманы и скоординированы. Ср. отрывок их транскрипции:

Красн.: Анатолий Иванович, ну что с запасными (аэродромами. – А.К.)? Давайте побыстрее, а то... [...] До Витебска удаление сколько?

РП: До Витебска хуйня, 120 километров. Анатолий Иванович, и куда ему выходить, надо согласовать.

Дисп. Ответил.

РП: И куда ему выходить, надо согласовать, точку выхода.

Дисп. Жду добро.

²⁸ См.: <http://kp.ru/daily/25619/787344/>

РП: Не проспять его, с курсом 40 идет, чтоб довернуть его вовремя. Где он (польский самолет. – А. К.), блядь, сейчас?

РП: Так, так, так, так, так, блядь, где-то ж должен быть.

РП: Ёб твою мать, все один к одному, блядь.

А: (нрзб.)

РП: Ответил.

А: (нрзб.)

РП: Где-то 25 километров, пока не наблюдаю.

А: Ты его не видишь, да?

РП: Да, пропал.

В транскрипции, правда, есть и довольно странный, неясный фрагмент, когда в 10:32 по московскому времени (т.е. за 11 минут до катастрофы) Плюснин замечает, что «на месте Москвы» не стал бы гнать польский Ту в Смоленск». Краснокутский в ответ на это говорит: «Это решение (нрзб.) международного номер один, он там сам (нрзб.)». Но как бы ни интерпретировать этот диалог, не вызывает сомнений то, что к катастрофе привел ряд роковых технических ошибок, а прежде всего – расчет на пресловутое «авось». В 10:24:50 Плюснин сообщает полякам, что «условий для приема нет», а в 10:25:01 экипаж Ту-154 благодарит за информацию, но сообщает, что будет пытаться приземлиться: «Если возможно, попробуем подход, но если не будет погоды (было ясно сказано, что нет погоды! – А. К.), тогда отойдем на второй круг». Другими словами: «Авось, пронесет!». Или как выразился польский социолог и историк идеи Ежи Шацкий: «В Польше ценятся прежде всего желания и чувства, в меньшей степени – результаты» (см. «Tygodnik Powszechny»; 2 V 2010). В подобном духе Фляйшер пипшет о безрефлексивном типе поведения: «Отсутствие действий и информационного обмена, который предусматривал бы результаты действий»²⁹.

Подобным, человеческим фактором объясняются и те убытки, которые в южных регионах Польши приносят наводнения. Дело не в только разрушительной силе, которую несет природная стихия, но и в массовом нарушении запретов, касающихся заселения мест, подверженных затоплению. Еще десять лет тому назад польский отдел международной организации WWF (World Wildlife Found) опубликовал атлас затопляемых территорий, однако до сегодняшнего дня он игнорируется и местными властями, и населением (подробнее см.: «Tygodnik Powszechny»; 30 V 2010).

²⁹ M. Fleischer, *op. cit.*, с. 164.

3. Ценности и культура

В соответствии с научным подходом, в основе которого лежит культурно-исторический релятивизм, ценности вырабатываются в определенной социо-культурной среде, что обуславливает, с одной стороны, идиосинкразию ценностей и их культурно-историческую маркированность, с другой стороны – аксиологический плюрализм, т. е. существование множества альтернативных систем ценностей, возникших и функционирующих в разных условиях социальной жизни человека.³⁰

В социологических теориях (начиная с работ М. Вебера) ценность представляет собой важнейший компонент социальной структуры: она не только лежит в основе социально значимых действий субъектов, но также является необходимым элементом функционирования социальных институтов: каждая социальная система опирается на систему ценностей, разделяемую по крайней мере большинством ее членов и определяющую их типы поведения и типы отношения в постоянно изменяющихся условиях существования.

Ценности нужны потому, что человека постоянно окружают новые предметы и явления, новые ситуации. Ценность представляет собой ориентир, который помогает человеку пройти участок пути, по которому он еще никогда не проходил.

Можно выбирать культурные ориентиры (хотя в разных культурах степень этого выбора варьируется). В качестве примера можно рассмотреть историю молодого венгра, который в начале прошлого столетия в Вене ухаживал за австрийкой по имени Роза. Приглашенный на обед, молодой человек не пришел с пустыми руками: он купил розы для девушки и коробку конфет для ее матери. Желая продемонстрировать остроумие и хорошее знание немецкого языка, молодой человек сопроводил вручение подарков каламбуром:

Die Rose für Rose, die Schachtel für Schachtel ‘Розы – для Розы, коробка для старой ведьмы’³¹.

В этом случае мы имеем дело с определенным выбором ценности: молодой венгр предпочитает, языковую игру тому, что Анна Ахматова определила как «простая учтивость». Здесь стремление показаться

³⁰ См. также: J. Mikułowski Pomorski, *op. cit.*, s. 209.

³¹ Существительное *die Schachtel* в немецком языке, подобно как и существительное *puddlo* (особенно в конструкции *stare pudło*) в польском языке, употребляется в переносном значении для пренебрежительного обозначения женщины.

оригинальным, демонстрация специфического, рафинированного когнитивного стиля³² оказывается более важным по сравнению с ценностью социального характера – хорошими манерами. В русском языке на подобные ситуации указывает пословица:

Ради красного словца не пожалеет и отца.

Поскольку ценности культурно маркированы, существует возможность ценностной параметризации культур, а также их сопоставление в аксиологическом аспекте.

Используя четыре параметра Инкельса/Левинсона, Хофстеде проанализировал аксиологическую интерпретацию наиболее существенных социальных категорий. В качестве иллюстрации приведу только данные, касающиеся двух стран: Польши и России³³.

СТРАНА	ПОКАЗАТЕЛЬ	РАНГ
Показатели дистанции власти		
Польша	68	27-29
Россия	93	6
Показатели индивидуальности		
Польша	60	22-24
Россия	39	37-38
Показатели маскулинности		
Польша	64	14-16
Россия	36	63
Показатели степени неуверенности		
Польша	93	9-10
Россия	95	7

³² Здесь можно сослаться на М. А. Холодную, которая, опираясь на американскую психологическую литературу, пишет об оппозиции двух когнитивных стилей: адаптивности и инновационности. В первом случае предпочтение отдается конвенциональным, устоявшимся типам поведения и типам принятия решений, а во втором случае изобретаются новые типы поведения или способы решения проблем. См.: М. А. Холодная, *Когнитивные стили. О природе индивидуального ума*, Москва 2002, с. 78.

³³ Все показатели определены для 74 стран и регионов.

Если судить по этим данным, наибольшее культурное сходство между поляками и русскими наблюдается в сфере социальной неуверенности, т.е. в количестве жизненных ситуаций, которые переживаются членами сообщества как конфликтные, угрожающие, неприятные. Обратим внимание, что в данном аспекте Польша и Россия принадлежат к числу наиболее отсталых. Наилучшим показателем с этой точки зрения (среди 74 проанализированных стран и регионов) обладает Сингапур.

Наиболее сильное различие между поляками и русскими, по данным Хофстеде, наблюдается в сфере гендерных отношений. Несмотря на польскую традицию целования дамам ручек (наилучшее доказательство условности ритуалов!) поляки принадлежат к числу народов, у которых мужские ценности принципиально доминируют над женскими, тогда как русские, скорее, относятся к «женским странам» (при этом наиболее «мужскими» являются Словакия, Япония и Венгрия, а наиболее «женскими» – Швеция, Норвегия и Голландия).

Эти данные не покрываются, однако, с наблюдениями других авторов. Так, А. де Лазари и О. В. Рябов подчеркивают, что основное различие поляков и русских касается категории коллективизма/индивидуализма. В частности, отмечается русская «общинность» (ср. приведенное ранее мнение Павлова) и польский «гонор» как определенная форма индивидуализма³⁴. При этом нельзя не заметить, что поляки, в отличие от русских, в большей степени ориентированы на свои национальные, исторические (а значит, коллективные) ценности, которые занимают значительное место и в системе образования, и в организации научных (гуманитарных) исследований (например, в приоритетном статусе исторической науки), и в селекции материалов в средствах массовой информации. Об этом, в частности, пишет санкт-петербургский историк Н. Соловьев:

[...] Понятие «исторической политики» («политической памяти») – центральное для всего дискурса об отношениях с восточными соседями. В этом смысле Польшей был сделан довольно однозначный выбор не в пользу реализма и прагматизма, а в пользу политики, основанной на исторических воспоминаниях, на свойствах польской идентичности и польской традиции³⁵.

³⁴ А. де Лазари, О. В. Рябов, *Русские и поляки глазами друг друга. Сатирическая графика*, Иваново 2007, с. 8 сл.

³⁵ Н. Соловьев, *Этнические стереотипы и их влияние на современные российско-польские отношения*, в: Шайдуров, В./Киклевич, А. (ред.), *Стереотипы и национальные системы ценностей в межкультурной коммуникации*, Санкт-Петербург 2009, с. 210.

Подобную мысль высказывает и публицист еженедельника «Polityka» Людвик Стомма в эссе «Историческая политика» (2006/38):

Pisał na przykład Zbigniew Żaluski, znany aktywista PZPR, dwukrotny laureat Ministerstwa Obrony Narodowej PRL: „Rzecz jasna, że dziwna historia Polski – niezbędna z punktu widzenia interesów ludzkości – nadaje określone piętno postawom społecznym Polaków, nadaje psychice polskiej określony koloryt narodowy. To właśnie wielkość celów przyświecających nieodmiennie od wieku kilku pokoleń, w połączeniu z praktycznym hartem, zdobywanym w toku wielokrotnych zrywów patriotycznych i rewolucyjnych, kształciła szczególnie postawy ludzkie, stanowiące istotę «kolorytu narodowego»: oddanie ideałom, wierność, ofiarność, męstwo, godność i dumę. Kształtowała wysoką cześć dla tak zwanych imponderabiliów, a nawet – zgódźmy się na to – stawianie ich wyżej ponad płaskie realia chwili”.³⁶

Для русской национальной ментальности, напротив, больше характерна устремленность в будущее. Д. В. Полежаев в связи с этим приводит слова С. Л. Франка:

Большинство русских людей имели привычку жить мечтами о будущем. Это настроение мечтательности и его отражение на нравственной воле, эта нравственная несерьезность, презрение и равнодушие к настоящему и внутренне лживая, неосновательная идеализация будущего – это духовное состояние и есть [...] последний корень той нравственной болезни, [...] которая загубила русскую жизнь³⁷.

* * *

В данной статье рассмотрены актуальные проблемы описания категории ценности. Новизна предложенного подхода состоит в том, что ценность рассматривается с семиотической точки зрения, а именно – как

³⁶ При этом Н. Каспарек пишет о характерном для польского общественного мнения явлении – мифологизации истории («Gazeta Olsztyńska»; 16 IX 2008). Подобное мнение высказывание Веслав Валендзяк: «Nasza elita polityczna utknęła w symbolice i historycznych wyobrażeniach, bo one też pozwalają zasłonić rzeczywistość. Do niedawna wyobraźnię najważniejszych osób w państwie rozbudzało głównie Powstanie Warszawskie i poświęcone mu muzeum, a nie to, jak żyją Polacy. Wszyscy mamy z tym kłopot, bo tak jesteśmy wychowani. Dzieciom w szkole na wycieczkach do Warszawy z dumą pokazuje się pomnik Małego Powstańca, jakby to miał być wzór. A ja mam z tym kłopot i nie wiem, co powiedzieć, gdy oprowadzam po Warszawie partnerów biznesowych ze świata. Oni nie rozumieją, czym się różni wysyłanie kilkuletnich dzieci na śmierć od tego, co robią dziś islamscy fundamentalisci. Oczywiście można powiedzieć, że chodziło o inne wartości, ale praktyką ta sama. Albo jak przetłumaczyć Anglikowi pieśń powstania styczniowego: „poszli nasi w bój bez broni”? On tego nie zrozumie, bo wyda mu się to dość nielogiczne. W naszej hierarchii spraw i wartości w Polsce jest jakiej wielkie pomieszanie» («Tygodnik Powszechny»; 20 III 2011).

³⁷ Д. В. Полежаев, *Русский менталитет: опыт социально-философского анализа*, Волгоград 2011, с. 21.

особого рода знак, у которого имеются формальные, содержательные (семантические) и прагматические свойства. Анализ и сравнение разных систем ценностей (этнических, региональных, конфессиональных, профессиональных, классовых, половых и т.д.) показывает, что они различаются в каждом из этих аспектов. С этой точки зрения в статье сопоставительному анализу были подвергнуты ценностные категории, распространенные в польской и русской культурах. На примере культурной перцепции гибели польского президентского самолета в апреле 2010 года показано, каким образом различие культурных концептов проявляется в межкультурной коммуникации.

Social Values in Contemporary Culture

This article examines current problems of the description of the category of value. The novelty of this approach lies in the fact that the value is considered from a semiotic point of view, namely, as a special kind of sign, which has formal, semantic and pragmatic properties. The analysis and comparison of different (ethnic, regional, religious, professional, class, gender, etc.) value systems shows that they differ in each of these aspects. From this perspective, the value categories were compared to one another in the Polish and Russian cultures. The author shows, on the example of the cultural perception of the Polish President's death in a plane crash in April 2010, how the distinction of cultural concepts affects intercultural communication.